

ВОСПОМИНАНИЯ

Начало Московской битвы

Маршал Советского Союза И. КОНЕВ

ВОЙСКА Западного фронта в июле—сентябре 1941 года вели напряженные бои с главной ударной группировкой гитлеровцев, рвавшихся к Москве. В кровопролитных двухмесячных сражениях обе борющиеся стороны понесли большие потери. Основным итогом этих сражений было то, что наступление противника на Москву было остановлено восточнее Смоленска. Смоленское сражение яркой страницей вошло в летопись Великой Отечественной войны. В ходе его в тяжелых и героических боях советские войска дали решительный отпор натиску врага. В то время я командовал войсками 19-й армии и принимал участие в Смоленском сражении в районе Смоленск, Ярцево, Духовщина. В начале сентября войска Резервного фронта под командованием генерала армии Г. К. Жукова нанесли сильный удар по ельнинской группировке противника и отбросили ее из района Ельни.

Непрерывное нарастание сопротивления советских войск, их героическая борьба спутали все карты неприятеля. После длительных наступательных боев войска Западного и Резервного фронтов по указанию Ставки в период 10—16 сентября перешли к обороне.

Общая обстановка на остальных фронтах к середине сентября 1941 года была следующей: на ленинградском направлении фашистское командование вело наступление на Ленинград, но благодаря героическому сопротивлению наших войск, моряков и населения Ленинграда врагу не удалось добиться своей цели, он был остановлен на южных подступах к городу. На юге обстановка была особенно напряженной: войска Юго-Западного фронта вели тяжелые оборонительные бои в районе Киева, а войска Южного фронта отступили в Северную Таврию.

12 сентября 1941 года меня назначили командующим войсками Западного фронта. Прибыв в штаб фронта, размещавшийся в Касне, я не застал там командующего войсками фронта маршала С. К. Тимошенко. Он, получив назначение главнокомандующим юго-западным направлением, выехал еще до моего прибытия к новому месту службы. В состав Западного фронта в тот период входили 22, 29, 30, 19, 16, 20-я армии, оборонявшиеся на рубеже озеро Пено, Андреаполь, Ломоносово, Ярцево, Новые Яковлевичи. Основные силы фронта — 30, 19, 16 и 20-я армии прикрывали непосредственно московское направление. В первой линии обороны стояло 23 дивизии, в том числе 2 кавалерийские; в армейском и фронтовом резервах было 8 стрелковых, 1 кавалерийская и 2 танковые дивизии¹, причем 107-я танковая дивизия имела 153 старых танка, 101-я танковая дивизия — 35 танков. Было еще 5 танковых бригад, в которых насчитывалось 256 танков, главным образом устаревших конструкций Т-26 и БТ-7. Правее — севернее Осташкова вели оборонительные действия войска 27-й армии Северо-Западного фронта. Левее — на рубеже верхнего течения Десны занимали оборону войска 24-й и 43-й армий Резервного фронта. Остальные три армии этого фронта занимали позиции в глубине за Западным фронтом по линии Осташков, Оленино, Ельня.

На третий день моего пребывания на Западном фронте меня вызвали в Ставку. Встреча со Сталиным произошла в присутствии членов Государственного Комитета Обороны. И. В. Сталин предложил мне доложить о состоянии фронта и о положении войск. Однако в ходе дальнейшей беседы обсуждению подвергся ряд вопросов, непосредственно не относившихся к фронтовым делам, — это были общие вопросы строительства Советской Армии. Обсуждался также вопрос о награждении командиров

¹ К концу сентября обе эти дивизии были переформированы в мотострелковые.

орденами, не следует ли создать отдельные ордена для награждения командиров частей, соединений, командующих армиями и фронтами, а также офицерского состава. Так возникла мысль о командирских орденах. Сталин спросил, как я смотрю на то, чтобы установить ордена Кутузова и Суворова. Конечно, я поддержал это предложение, поддержали его и присутствовавшие члены Государственного Комитета Обороны. Сталин тут же поручил начальнику тыла Советской Армии А. В. Хрулеву разработать статут полководческих орденов, которыми во время войны стали награждать офицеров и генералов Советской Армии.

Вернувшись в штаб фронта, я занялся практическими делами. Оценивая создавшуюся обстановку, мы не могли не видеть, что противник готовится возобновить наступление. Данные нашей разведки свидетельствовали о том, что враг подтягивал к фронту новые силы, в частности отмечалось прибытие войск в район Духовщины на стык 19-й и 16-й армий, в район Задня, Кардымово и против левого фланга 20-й армии. Нужно, однако, сказать, что о группировке противника и направлениях вероятных его ударов в штабе фронта к тому времени еще не было достаточных данных. Мне, вновь назначенному командующему фронтом, нужно было тщательно во всем разобраться, чтобы принять целесообразное решение на построение обороны. В связи с этим было обращено внимание на активизацию нашей разведки. 19 сентября мною была отдана директива командармам, в которой указывалось: на участках всех армий активизировать боевую разведку всех видов. Действиями разведорганов и главным образом сильных отдельных отрядов (усиленная рота, батальон) держать противника в постоянном напряжении, дезорганизовывать работу штабов и тыла. Необходимо было вскрыть группировку противника, выявить стыки, резервы и его ближайшие намерения. Одновременно армиям ставилась задача улучшить свои оборонительные рубежи.

Проводились также мероприятия, связанные с усилением обороны. К ним относится в первую очередь приказ о строительстве траншей, а не только одиночных окопов — ячеек. Практика показала, что изолированные отдельные ячейки не оправдывают себя, что наиболее разумная форма оборонительных сооружений — траншеи с ходами сообщения: это дает возможность командиру провести соответствующий скрытый маневр как живой силой, так и огневыми средствами. Оборонительные полосы тактической зоны, второй полосы обороны, тыловых и армейских рубежей усиливались инженерными средствами, минами, кустарями, надо сказать, фронт был недостаточно обеспечен. Создавалась система артиллерийско-минометного и ружейно-пулеметного огня. Было дано указание совершенствовать противотанковую систему обороны, создавать противотанковые районы. Таким образом, командармы получили приказ создать прочную оборону с выводом войск в резерв. Одновременно велась большая работа по ремонту вооружения и боевой техники, особенно танков и артиллерийских орудий. Несмотря на принятые меры, плотность обороны в противотанковом отношении и в артиллерийском была явно слабой. Ощущался острый недостаток артиллерийского и стрелкового вооружения. За примерами далеко ходить не надо: запасный полк фронта не имел даже винтовок. Обеспеченность противотанковыми средствами была недостаточной. Не хватало даже бутылок с «КС», которые широко использовались в то время для борьбы с вражескими танками.

По указанию Ставки нам пришлось во второй половине сентября передать две дивизии, дислоцированные в районе Вязьмы. Дивизии поступали в распоряжение Ставки и перебрасывались на юго-западное направление. По этому поводу у меня в 20-х числах сентября состоялся следующий разговор по боду с маршалом Б. М. Шапошниковым.

«Шапошников. В связи с переходом вас к временной обороне Верховный Главнокомандующий считает необходимым взять от вас в свой резерв две дивизии. Дивизии должны быть достаточно укомплектованы и с артиллерией. Какие дивизии вы можете выделить?

Конов. Докладываю: ни одной дивизии укомплектованной нет. Все дивизии, выведенные в резерв, слишком малочисленны. Укомплектование еще не прибыло. Могу выполнить через 5 дней по прибытии пополнения.

Шапошников. Кто командует этими дивизиями? В какой численности эти дивизии и какие номера этих дивизий?

Конев. Могу выделить с большим ущербом для фронта 64 сд и 1 мсд. 1 мсд командует Герой Советского Союза Лизюков, 64-й — полковник Грязнов. Прошу взамен этого 101 тд не расформировывать, а сделать ее мотострелковой дивизией».

Далее Шапошников просил охарактеризовать численный состав этих и других дивизий фронта, выведенных в резерв. Я сообщил, что 1-я мотострелковая дивизия имеет 2 мотострелковых полка, танковый полк и артиллерийский полк, мотострелковые полки по 600 человек, танковый полк имеет 35 старых танков; в 64-й стрелковой дивизии каждый полк насчитывает по 900 человек, в артиллерийском гаубичном полку — большой некомплект среднего и младшего состава; младший состав выдвигаем из красноармейцев. Всего в резерв фронта выделено: три стрелковые, две танковые и одна мотострелковая дивизии (134, 64, 152-я стрелковые, 107-я и 101-я танковые и 1-я мотострелковая дивизии).

Б. М. Шапошников сказал, что мы мало выделили стрелковых дивизий, можно выделить больше, и спросил, какую кроме 64-й можем дать в резерв Ставки. Я ответил, что из стрелковых дивизий выделить больше ничего не могу, так как все остальные дивизии исключительно малочисленные, и просил утвердить назначенные мной 1-ю мотострелковую и 64-ю дивизии — лучшие из имевшихся у нас. Для их укомплектования сделаем все, что в наших силах за счет внутренних ресурсов, но чего-либо значительного из людского пополнения наскрести не сможем. Далее я сказал, что указание — побольше выделить резервов, сейчас выполнить не сумею, так как армии занимают широкие фронты, плохо укомплектованы, имеют недостаточно пулеметного и артиллерийского вооружения; на ряде участков фронт обороны вытянут в линию — нет вторых эшелонов в полках и дивизиях; есть полки, имеющие численность 130—200 человек. В заключение заверил, что все указания приму к исполнению, и все, что позволит обстановка, выведу в резерв.

Продолжая укреплять оборону занимаемых войсками фронта рубежей, мы внимательно следили за характером и поведением противника. К 23 сентября 1941 года в штабе фронта на основании данных разведки сложилось твердое мнение, что противник готовится к наступлению и создает для этого крупную группировку войск перед Западным и Резервным фронтами.

25 сентября командование фронта отправило на имя Сталина донесение о перегруппировке авиации противника и в связи с явным ее усилением и необходимостью своевременного ее уничтожения на аэродромах мы просили Ставку выделить фронту хотя бы один полк бомбардировщиков, а также один полк ИЛ-2 для штурмовых действий по мотомехчастям противника. Кроме того, мы просили ускорить комплектование матчастью 61-го штурмового авиационного полка и 29-го истребительного авиационного полка.

26 сентября фронт вновь направил донесение Верховному Главнокомандующему и начальнику Генерального штаба маршалу Шапошникову о подготовке противника к наступлению².

² «Главноверху товарищу Сталину. Нач. Генштаба товарищу Шапошникову. 26.9.41 года, [13.30. Данными всех видов разведки и опросом пленного фельдфебеля летчика-истребителя устанавливается следующее:

1. Противник непрерывно подводит резервы из глубины по жел. дор. Минск—Смоленск—Кардымово и по шоссе Минск—Смоленск—Ярцево—Вобруйск—Рославль.

2. Создает группировки: против Западного фронта на фронте 19, 16 и 20-й армий в районе Духовщины, Ярцева, Соловьевской переправы, ст. Кардымово, Смоленска и против Резервного фронта в районе Рославля на спас-деменском направлении.

3. По показаниям пленного летчика, противник готовится к наступлению в направлении Москвы, с главной группировкой вдоль автомагистралей Вязьма—Москва. Противник подтянул уже до 1000 танков, из них около 500 в районе Смоленска, Починок. Всего для наступления будет подтянуто противником, по данным пленного летчика, до 100 дивизий всех родов войск.

4. Начало наступления 1 октября. Руководить операцией на Москву будут Кейтель и Геринг, прибытие которого на днях ожидается в Смоленске. Авиация для этой операции перебрасывается из-под Ленинграда и Киева. Войска перебрасываются из Германии и с киевского направления (показания пленного летчика).

5. Наши фронтовые резервы подтягиваются на рязево-вяземское направление, район станции Дорогобуж и севернее. Создаются противотанковые рубежи. Фронтовые резервы ограничены: всего четыре сд и три тбр. Прошу сообщить, будут ли даны фронту дополнительные резервы, в каком количестве и когда.

Конев, Лестев, Соколовский».

В соответствии с нашей оценкой противника и выводами о подготовке им наступления 26 сентября был отдан следующий приказ всем командармам: «Имеющимися данными противник создает сильную группировку танков, авиации, пехоты в районах Духовщина, Смоленск, Задня, Ярцево, имея в виду в ближайшие дни перейти в наступление в общем направлении — Вязьма. Приказываю:

1. Усилить бдительность и всеми видами разведки вскрыть группировку и направление ударов противника. Подготовить артиллерию для контрподготовки...

3. Тщательно продумать и подготовить вопросы противотанковой обороны, а также частных и общих контратак.

4. Подготовить противовоздушную оборону для отражения атак авиации противника.

5. Получение и мероприятия донести».

Хотя в этом приказе и ставилась задача подготовить артиллерию для проведения контрподготовки, но выполнить ее армии практически не смогли из-за ограниченного количества и артиллерии, и боеприпасов.

В ответ на наши донесения и просьбы мы 27 сентября получили из Ставки директиву. В ней приказывалось перейти к упорной обороне и провести экстренные мероприятия, связанные с укреплением оборонительных рубежей. Директива была явно дана с опозданием, но она подтверждала мероприятия фронтов по усилению обороны, которые уже проводились. Однако в тот же день фронт вновь отдал боевое распоряжение командармам: мобилизовать все силы армий, дивизий, включая и тыловые части и учреждения, с целью закопать все прочно в землю. Вырыть окопы полного профиля в несколько линий с ходами сообщений, построить проволочные заграждения, противотанковые препятствия, дзоты. За счет развития оборонительных сооружений постепенно увеличивать армейские резервы. Командование всех степеней, штабы, политорганы, войска — все деятельно и активно готовились к отражению наступления гитлеровских войск. Все были проникнуты единым стремлением упорно драться за каждый метр советской земли. Командование фронта ежедневно докладывало в Ставку о готовящемся наступлении противника, принимаемых нами мерах и планах оборонительных действий и просило Ставку усилить фронт танками, авиацией, а также ориентировать нас, на какое усиление Западный фронт может рассчитывать в процессе ведения оборонительной операции.

В случае перехода противника в общее наступление с нанесением главного удара на смоленско-вяземском и вспомогательном ржевском направлениях планом оборонительных действий фронта предусматривалось:

1. Жесткой обороной в тактической полосе разбить наступающего противника.

2. В случае прорыва противника в глубину бить его на подготовленных в глубине оборонительных рубежах с одновременным контрударом фронтовых резервов.

3. Контрудары намечалось провести:

а) на ржевском операционном направлении в районе Белый силами 107-й мотострелковой дивизии, находившейся в резерве фронта, и 251-й стрелковой дивизии 30-й армии. В случае необходимости для контрудара привлечь 243-ю стрелковую дивизию 29-й армии;

б) на вяземском операционном направлении к западу от Вадино и Издешково силами соединений фронтового подчинения — 134-й, 152-й стрелковых, 101-й мотострелковой дивизий, 126, 128 и 143-й танковых бригад и 45-й кавалерийской дивизии, которые к 1 октября будут сосредоточены в районе Вадино. Контрудар на этом направлении будет поддержан 16-й и 19-й армиями и всеми силами ВВС фронта.

4. При неуспешности контрударов борьба переносится на подготовленный армейский тыловой рубеж по рекам Вопь и Вопец и далее Анисимово, Красный Холм, Неквасино, с созданием необходимых резервов для устойчивой обороны.

5. При наличии успеха и ликвидации наступления противника на одном из направлений освободившиеся силы будут использованы для контратак на другом направлении и на усиление другого направления (имелись в виду маневрирование силами, переброска их с неатакованных участков против наступающего противника на те направления, где он развивает удар. — И. К.).

6. Для усиления контрударных групп командование фронта просило Ставку направить нам 30 танков KB, 30 танков Т-34 и 2 авиационных полка — один полк штурмовиков и один полк дневных бомбардировщиков. Кроме того, Военный совет фронта просил сообщить, какое усиление Западный фронт может получить в процессе операции.

Свои соображения командование фронта доложило и маршалу Шапошникову 28 сентября. Наши просьбы к Ставке были очень скромны, несмотря на то что обстановка складывалась довольно сложная и готовящаяся к наступлению группировка противника представлялась нам по всем данным довольно сильной. Но Ставка, как мы понимали, не располагала в это время необходимыми резервами. Поэтому по существу никакого усиления фронт не получил.

Приходится сожалеть, что и до начала наступления противника и в ходе его Генеральный штаб не ориентировал Западный фронт о задачах Резервного фронта и недостаточно осуществлял координацию действий фронтов. А это было необходимо, особенно в условиях имевшей место «чересполосицы». Выше уже говорилось, что две армии Резервного фронта располагались в первом эшелоне в одной линии с нашими армиями. От того, насколько прочно они смогут удерживать свои позиции, во многом зависело положение армий левого крыла Западного фронта. В то же время три армии Резервного фронта (31, 49 и 32-я), находившиеся в полосе Западного фронта, нам не подчинялись. В сложившихся условиях, на мой взгляд, было бы целесообразнее выделить для каждого из фронтов самостоятельную полосу, что повысило бы ответственность командующих фронтами, упростило взаимодействие и позволило бы гораздо эффективнее использовать имевшиеся силы, особенно армии, располагавшиеся в оперативной глубине обороны.

Каковы же были планы немецко-фашистского командования и группировка войск, которые враг готовил для наступления на Москву? Как стало известно из опубликованных после войны документов немецко-фашистского командования, уже 6 сентября директивой № 35 оно поставило перед группой армий «Центр» задачу подготовить операцию, чтобы «по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму, при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах». В директиве указывалось, что после того как основная масса наших войск будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, группа армий «Центр» должна начать преследование противника, отходящего на московском направлении, примыкая правым флангом к реке Оке, а левым к верхнему течению реки Волги.

Во исполнение этой директивы командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок 16 сентября издал директиву на подготовку наступления на Москву. В целях маскировки операция на московском направлении получила кодовое наименование «Тайфун». Главная цель операции «Тайфун» — сокрушительным ударом разгромить советские войска на московском направлении, а танковыми ударными группировками на флангах окружить советские войска западнее Москвы. Далее враг планировал без всякой паузы стремительно наступать на Москву, окружить и взять ее. На совещании в штабе группы армий «Центр» осенью 1941 года Гитлер заявил: «Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель, будь то мужчина или женщина, или ребенок, не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой».

Враг, используя ресурсы покоренных стран Европы, готовился к решительному сражению. Сосредоточив крупные силы на московском направлении, противник рассчитывал сокрушительными ударами закончить войну в свою пользу до наступления зимних холодов. Но он снова переоценил свои силы и недооценил силы Советской Армии, возможности Советского Союза, моральный дух нашего народа.

Как впоследствии стало известно, противник сосредоточил на московском стратегическом направлении очень большие силы — это была миллионная группировка войск в составе 78 дивизий (из них — 14 танковых и 8 моторизованных), около 2000 танков, до 1000 самолетов, тысячи орудий и минометов и других видов боевой техники.

Непосредственно против Западного фронта враг имел 48 отборных, хорошо укомплектованных дивизий.

Как же выглядел на 2 октября наш Западный фронт, который считался в то время самым сильным? При ширине полосы в 340 км он имел 30 слабоукомплектованных стрелковых дивизий, 2 мотострелковые, 3 кавалерийские дивизии и 4 танковые бригады³. У нас было 479 танков (из них современных — всего 45 единиц), 1524 орудия и 733 миномета. Авиация фронта имела: истребителей (старых образцов) — 106, бомбардировщиков ТБ-3 и СБ—63, дневных бомбардировщиков ТУ-2 — 5, СУ-2 — 4, штурмовиков ИЛ-2 — 8. Особый недостаток войска ощущали в зенитной и противотанковой артиллерии, что при превосходстве противника в авиации и танках создавало большие трудности в борьбе с ними. Надо также учитывать и то, что противник обладал превосходством в подвижности войск. Гитлеровцы располагали большим автотранспортным парком. У нас же, к сожалению, части, соединения, артиллерия и тылы имели конную тягу. Все это давало противнику большие преимущества.

В конце сентября я и члены Военного совета фронта объехали войска. Я побывал в 30, 19, 16 и 20-й армиях. Вместе с командармами, членами Военного совета армий и начальниками штабов мы еще раз проверили готовность всех наших мероприятий по отражению наступления противника. У всех нас была полная уверенность, что войска будут драться стойко и мужественно. Мне особенно запомнилась встреча в 20-й армии с командармом Ф. А. Ершаковым и членом Военного совета Ф. А. Сименовским. Я хорошо знал товарища Ершакова. Мы вместе учились в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Это был волевой и подготовленный генерал, хозяин своего слова. Учитывая, что по данным разведки противник сосредоточивает крупные силы в полосе Резервного фронта, я обратил их внимание на левый фланг 20-й армии, имеющей разграничительную линию с 24-й армией Резервного фронта, и приказал тов. Ершакову внимательно смотреть на юг и для обеспечения левого фланга иметь в резерве одну дивизию. Тов. Ершаков ответил, что понимает, какая ответственность лежит на нем за стык с Резервным фронтом. «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы не допустить выхода противника во фланг и тыл Западного фронта», — сказал он. Выделить для обеспечения фланга больше одной дивизии он не мог, так как в его армии, оборонявшей 45-километровый фронт, было всего четыре дивизии. Одновременно командиры, политработники, политические органы, партийные и комсомольские организации настойчиво проводили вражескую авиацию бомбардировала объекты нашего тыла и КП Западного фронта.

В конце сентября 1941 года началась великая битва за Москву. 30 сентября немецко-фашистские войска нанесли удар танковой группой по левому крылу Брянского фронта в районе Шостки. На рассвете 2 октября противник после сильной артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление против войск Западного и Резервного фронтов основными силами группы армий «Центр». Одновременно с атаками переднего края нашей обороны массированными ударами авиации, танков и пехоты вражеская авиация бомбардировала объекты нашего тыла и КП Западного фронта.

Основной удар на Западном фронте противник нанес силами 3-й танковой группы и пехотных дивизий 9-й армии в направлении Холм-Жирковский, по войскам 19-й и главным образом 30-й армий.

Советские воины мужественно встретили удары гитлеровцев. Но силы были далеко не равны: против восьми стрелковых дивизий 19-й и 30-й армий противник ввел в сражение 16 дивизий, из них три танковые и две моторизованные. Численное превосходство противника здесь составило: по людям в 3 раза, по танкам в несколько раз, по орудиям и минометам в 3,8 раза, по авиации враг имел полное превосходство³.

Войска 30-й и 19-й армий проявили большое упорство. Они стойко удерживали свои позиции, но большое превосходство сил врага вынудило их отходить. Ценой больших потерь противнику удалось прорвать наш фронт и к вечеру 2 октября продвинуть-

³ При сопоставлении наших сил и сил противника нужно иметь в виду, что штатная численность советской стрелковой дивизии в то время была 10 859 человек (фактическая на Западном фронте — 4—6 тыс.), а немецкой дивизии — 16 800 человек. Немецкие дивизии к началу операции «Гайфун» были укомплектованы живой силой, вооружением и боевой техникой.

ся в глубину на 10—15 км. В результате авиационного удара по командному пункту фронта, находившемуся в Касне, мы имели потери, но так как все средства связи были закопаны в землю, то управление войсками не нарушалось.

С утра 3 октября по моему приказу командармы 30-й и 19-й своими силами и фронтового резерва, сосредоточенного в районе Вадино и в лесу севернее (три танковые бригады, одна мотострелковая и одна стрелковая дивизии, объединенные в группу под командованием моего заместителя генерала И. В. Болдина), нанесли контрудар в направлении Холм-Жирковский с целью остановить прорвавшегося противника и восстановить положение. Однако ввод фронтовых резервов и удары армейских резервов положение не изменили, ибо противник имел большое численное превосходство над нашей группировкой, наносившей контрудар. 19-я армия на большей части своего участка фронта отбила все атаки врага. Но противник овладел Холм-Жирковским и 3 октября вышел в тыл 19-й армии, в район южнее Булышово. В результате обозначился прорыв гитлеровцев к Вязьме с севера.

Второй удар противник нанес на Спас-деменском направлении против 43-й армии Резервного фронта. Войска 4-й немецкой танковой группы и 4-й армии, тесня к востоку и северу соединения 43-й и 24-й армий, 4 октября вышли в район Спас-Деменск, Ельня. Прорыв противника в этом направлении создал исключительно трудную обстановку и для 24-й и 43-й армий Резервного фронта, и для Западного фронта. Наши 20, 16 и 19-я армии оказались под угрозой охвата с обоих флангов. В такое же положение попадала и 32-я армия Резервного фронта. Обозначилась угроза выхода крупной танковой группировки противника с юга со стороны Резервного фронта в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта и с севера из района Холм-Жирковского.

В связи с создавшимся положением я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19, 16 и 20-й армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковского. Сталин выслушал меня, однако не принял никакого решения. Связь оборвалась, и дальнейший разговор прекратился. Я тут же по бодо доложил начальнику Генерального штаба маршалу Шапошникову более подробно о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создалось на участке Резервного фронта. Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало. Тогда командование фронта приняло решение об отводе войск на гжатский оборонительный рубеж, которое 5 октября было утверждено Ставкой. В соответствии с этим мы дали указания об организации отхода войскам 30, 19, 16 и 20-й армий.

Здесь мне хочется внести ясность в вопрос о положении 16-й армии, которой командовал К. К. Рокоссовский, в связи с тем что в книге В. Соколова «Вторжение» имеется какая-то путаница. На странице 486-й этой книги автор приводит следующий разговор Жукова с Рокоссовским:

«Жуков Г. К.: А теперь скажите-ка, уважаемый командарм, как и почему ваша армия попала в окружение?

Вопрос покоробил Рокоссовского. Он передернул плечами и помимо своей воли скомкал в руке кусок карты. «Что это — издевка?» И вспомнил, как в октябре после отхода по лесам его, Рокоссовского, вместе с членом Военного совета Лобачевым вызвал прежний командующий фронтом, желая сорвать на ком-то злость, встретил гневными словами: «Сами вышли, а армию оставили». Это был несправедливый упрек, который трудно забывается. Ведь к тому времени, когда 16-я армия была в окружении в районе Дорогобужа, он, Рокоссовский, не командовал ею».

Это описание упрека Рокоссовскому прежним командующим — сиречь мной — не соответствует действительности. Управление и штаб 16-й армии согласно моему приказу были еще до вяземского окружения выведены в район Гжатска с задачей объединять под командованием Рокоссовского все части, выходившие из окружения, а также резервы, подходившие из глубины. Вот этот приказ:

«Командарму 16 и 20.
Рокоссовскому и Ершакову.

Командарму 16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16 армии с войсками передать командарму 20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму. В состав 16 армии будут включены в районе Вязьмы 50, 73, 112, 38, 229 сд, 147 тбр, дивизион РС, полк ПТО и полк аргк. Задача армии — задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменска, и не пропустить его севернее рубежа Путыкско, Крутые, Дрожжино, имея в виду создание группировки и дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов.

Получение и исполнение донести.

Конеv — Булганин — Соколовский. 5.10.41⁴».

Были приняты все меры, чтобы приказ до К. К. Рокоссовского дошел своевременно. Для проверки получения этого приказа я послал в штаб Рокоссовского подполковника Чернышева, который донес по радио, что приказ Рокоссовским получен, сам же Чернышев, возвращаясь в штаб фронта, где-то по пути погиб. Память об этом боевом офицере, не раз выполнявшем ответственные поручения командования фронта, я всегда храню в своем сердце.

Одновременно с выходом управления 16-й армии в район Вязьмы прибыла 50-я стрелковая дивизия. Эта самая боевая дивизия перебрасывалась по моему распоряжению из состава 19-й армии в район Вязьмы, чтобы не допустить смыкания противником кольца окружения. Но пока собирали незначительный армейский автотранспорт, времени было потрачено много, и дивизия, к сожалению, сумела прибыть вовремя только двумя стрелковыми полками и артиллерийским полком. Остальные части этой дивизии были отрезаны наступающим противником и тоже оказались в вязьмском окружении. Большинство дивизий, перечисленных в приказе Рокоссовскому, не сумели выйти в назначенные районы. При выходе в район Вязьмы они ввязались в бои с механизированными войсками противника и под ударами превосходящих сил понесли значительные потери. Но и после этого они продолжали драться частично внутри кольца окружения, частично вне кольца — на рубеже. Сычевка, Вязьма. Полагаю, что этих документальных данных достаточно для того, чтобы опровергнуть выдуманные упреки с моей стороны в адрес К. К. Рокоссовского.

5 октября Ставка, к сожалению, с большим опозданием подчинила Западному фронту 31-ю и 32-ю армии Резервного фронта. Будь это сделано до начала сражения, мы могли бы их использовать в качестве своего второго эшелона.

31-я армия к моменту передачи ее в состав Западного фронта имела 4 стрелковые дивизии и занимала оборону на рубеже Осташков, Сычевка. В ходе оборонительного сражения силы армии были переподчинены: 249-я стрелковая дивизия под командованием полковника Тарасова — 22-й армии, а остальные дивизии другим армиям. Управление 31-й армии было выведено в резерв фронта в район Торжка и впоследствии использовано на калининском направлении.

Выполняя приказ, войска фронта, главным образом 19-я и 20-я армии, под нажимом наступающего с фронта противника начали последовательно отходить от рубежа к рубежу. Первый промежуточный рубеж наметили на реке Днепр, где были подготовлены позиции Резервным фронтом.

Принимая решение на отход, я хорошо представлял себе все трудности его выполнения. Дело в том, что отход — самый сложный вид боевых действий. Требуется большая выучка войск и крепкое управление. На опыте мы постигали это искусство. Невольно в связи с этим вспоминаются слова Льва Толстого. В своих записках о Крымской войне он писал, «что необученные войска не способны **отступать**, они могут только бежать». Очень метко и правильно сказано. К сожалению, надо признать, что до войны наши войска очень редко изучали этот вид действий, считая отход признаком слабости и несовместимым с нашей доктриной. Мы собирались воевать только на территории врага. И вот теперь, во время войны, за это крепко поплатились.

⁴ Архив МО. ф. 208, оп. 2511, д. 1029, л. 2.

Должен заметить, что отход наших войск проходил в трудных условиях. Поскольку артиллерия и все обозы Западного фронта, как я уже отмечал, имели только конную тягу, то, естественно, отходить в высоком темпе, а проще говоря, оторваться от противника войска были не в силах, так как превосходство в подвижности было на стороне врага. 7 октября 1941 года танковые и моторизованные немецкие корпуса подошли к Вязме: 56-й с северного направления — от Холм-Жирковского, а 46-й и 40-й с южного направления — от Спас-Деменска.

В этой сложной обстановке выполнить маневр отхода было очень трудно. Быстро продвигающиеся гитлеровские моторизованные корпуса отрезали пути отхода. Вследствие этого к 7 октября в окружении оказались 16 дивизий из 19, 20 и 32-й армий Западного фронта, а также остатки дивизий 24-й армии Резервного фронта и понесшие большие потери части группы Болдина. Соединения 30-й армии, понеся тяжелые потери, так как они приняли на себя основную силу удара превосходящих сил противника, отдельными группами отходили к востоку через леса, западнее Волоколамска. 8 октября я отдал приказ окруженным войскам пробиваться в направлении Гжатска.

Переданная нам из Резервного фронта 32-я армия под командованием генерала С. В. Вишневого оборонялась на рубеже Днепра. Установив связь с тов. Вишневым, я дал ему указание при выходе из окружения координировать свои действия с командующим 19-й армией генералом М. Ф. Лукиным. На него была возложена задача объединить действия всех окруженных западнее Вязмы войск и, организованно отражая натиск врага, пробиваться на восток в направлении либо Сычевки, либо Гжатска. Командующему 20-й армией тов. Ершакову дано было указание пробиваться в юго-западном направлении, с выходом на тылы немецкой группировки, которая к этому времени главными силами выдвигалась в район Вязмы.

Принимая решение на выход из окружения, мы ставили задачу ударными группировками армий прорвать фронт противника в направлении Гжатска, севернее и южнее шоссе Вязма—Москва, не соединяя армий в одну группировку, и не назначили сплошного участка прорыва. Нашей целью было не позволить врагу сужать кольцо окружения и, имея обширную территорию, маневрировать силами, сдерживать активной борьбой превосходящие силы противника. Конечно, борьба в окружении — сложная форма боя, и, как показал опыт войны, мы должны были готовиться к такому виду действий, чего, к сожалению, перед войной не делалось. В маневренной войне такая форма борьбы не является исключением, ее не исключает и современное военное искусство.

Должен сказать, что, как теперь явствует из немецких трофейных документов, а также из доклада командарма Лукина и донесений того периода, упорные бои и активные действия наших войск, попавших в окружение, оттянули и сковали значительные силы немцев, нацеленные на Москву. В окружении наши войска продолжали вести ожесточенные бои, отбивая непрерывные атаки противника.

Во время смены командного пункта фронта я и член Военного совета Н. А. Буганин прибыли в район Гжатска и первым делом решили встретиться с командующим Резервным фронтом маршалом С. М. Буденным. Ночью с 5 на 6 октября мы уже были на командном пункте Резервного фронта, который размещался в блиндажах в лесу, восточнее Гжатска. Сам Семен Михайлович находился в поселке, на окраине Гжатска, в небольшом домике под прикрытием танка КВ. Мы прибыли к нему в штаб, с тем чтобы сообщить о сложившейся обстановке и узнать о мерах, которые принимает командование Резервного фронта в связи с тяжелым положением, создавшимся на участке 43-й армии. По имевшимся у нас данным, полученным из Генштаба, на втором рубеже в районе Сычевка, Гжатск должна была находиться 49-я армия Резервного фронта, но, как выяснилось в разговоре с С. М. Буденным, 49-й армии там не было. Ее управление и часть дивизий были отправлены на Брянский фронт, а оставшиеся влились в другие армии. Таким образом, никаких войск на рубеже Гжатск, Сычевка не оказалось.

К. К. Рокоссовский с управлением 16-й армии в это время уже сосредоточился в районе Гжатска. Связавшись со мной, он доложил, что 50-я дивизия двумя полками и

артиллерийским полком вышла к Вязьме, остальные силы этой дивизии отрезаны противником. Рокоссовскому было приказано принимать в свое подчинение все части, выходящие с запада к рубежу Гжатска, и те, которые будут подходить с тыла, в частности прибывшие из резерва Ставки в район Уваровки две танковые бригады, и организовывать оборону на рубеже Сычевка, Гжатск и южнее.

Штаб Западного фронта с разрешения Ставки был переведен в район Красновидово, западнее Можайска. На новый командный пункт фронта прибыли из Ставки В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. М. Василевский и др. По поручению Сталина, Молотов стал настойчиво требовать немедленного отвода войск, которые дерутся в окружении, на гжатский рубеж, а пять-шесть дивизий из этой группировки вывести и передать в резерв Ставки для развертывания на Можайской линии. Я доложил, что принял все меры к выводу войск еще до прибытия Молотова в штаб фронта, отдал распоряжение командармам 22-й и 29-й выделить пять дивизий во фронтовой резерв и перебросить их в район Можайска. Однако из этих дивизий в силу сложившейся обстановки к Можайской линии смогла выйти только одна.

Выше было сказано о том, что значительные силы Западного и Резервного фронтов в начале октября 1941 года попали в окружение. Как и при каких обстоятельствах это произошло? Каковы причины? Мне хотелось бы кратко изложить свое мнение об этом.

Во-первых, стратегическая инициатива на всем советско-германском фронте в то время находилась в руках противника. Враг имел подавляющее превосходство в силах и средствах, особенно в танках и авиации, которая все время бомбардировала отступающие войска. Очень ярко отражено это в донесении командарма 32-й С. В. Вишневого от 7 октября 1941 года. В нем говорилось, что основной причиной неудач является губительная непрерывная бомбардировка наших войск авиацией противника, отсутствие у нас зенитных средств. Аналогичное положение было и в других армиях.

Во-вторых, враг обладал большим преимуществом в подвижности, мог широко маневрировать. У нас же не было достаточного количества авиации и противотанковых средств, чтобы бить вражеские колонны на марше и оказывать им сопротивление на основных дорогах.

В-третьих, Западный фронт не имел достаточного количества вооружения, боеприпасов и боевой техники. Артиллерийская и танковая плотность на 1 км была очень слабой: танков — 1,6, орудий — 7, противотанковой артиллерии — 1,5; запасы боеприпасов к началу наступления противника в некоторых частях и соединениях составляли около половины боекомплекта и в очень немногих частях — до двух боевых комплектов. Западный фронт был весьма растянут. Обороняющиеся войска имели большой некомплект, а в глубине фронт не располагал достаточно сильными резервами.

В-четвертых, один прорыв к Вязьме с севера еще мог быть нами локализован путем перегруппировки войск. Но прорыв немецко-фашистских войск через Спас-Деменск дал возможность соединениям противника выйти с юга глубоко в тыл Западного фронта. Резервный же фронт на этом направлении сил почти не имел.

Возникает вопрос: почему противник, добившись в начале октября 1941 года немалых успехов, не сумел развить наступление на Москву? Прежде всего потому, что войска Западного фронта оказали ему ожесточенное сопротивление. Они дрались мужественно, самоотверженно и стойко. Ценой жизни они спасли столицу своей Родины — Москву.

Несмотря на тяжелую обстановку, нашим войскам, действовавшим на московском направлении, предстояло любой ценой задержать противника, чтобы выиграть время для организации обороны на Можайском рубеже и дать возможность развернуть подходившие из глубокого тыла резервы. Своим упорным сопротивлением они задержали на 8—9 дней вражеские ударные группировки и обеспечили время для проведения необходимых мероприятий по дополнительному усилению обороны московского направления.

Двадцать восемь дивизий группы армий «Центр» были втянуты в сражение против окруженных войск, что документально доказано картами, захваченными у немец-

Генерал-полковник И. С. Конев.

Генерал-лейтенант М. Ф. Лукин

кого командования. Именно благодаря героическому сопротивлению наших войск необходимых сил для развития ударов на Москву у врага в тот момент не оказалось. В боях в районе Вязьмы он понес тяжелые потери. Есть, например, прямые показания командира 7-й немецкой танковой дивизии, который в своем донесении командованию открытым текстом сообщает: «Натиск Красной Армии в направлении Сычевки настолько был сильным, что я ввел последние силы своих гренадеров. Если этот натиск будет продолжаться, мне не сдержать фронта и я вынужден буду отойти». Есть много и других фактов и документов, свидетельствующих о героизме и доблести войск, попавших в окружение. Войска 19, 20, 32 и 24-й армий — это воины-герои, и перед ними все мы склоняем головы. Их подвиг будут чтить вечно благодарные потомки.

Я вспоминаю донесения находившегося в окружении командарма 19-й генерал-лейтенанта Михаила Федоровича Лукина: «Войска дрались до последнего солдата и до последнего патрона». А сам он, в бессознательном состоянии, раненный в ногу и руку, попал в плен. Героизм Михаила Федоровича в боях в период окружения, его мужественное поведение в плену достойны самой высокой похвалы⁵. Он рассказывает, что 19-я армия с начала наступления немцев, т. е. со 2 по 13 октября, не была расчленена на части и в самые тяжелые дни сохранила свою целостность, а 13 октября она по приказу Военного совета фронта стала выходить из окружения отдельными группами на участке 20-й армии.

Героическое сопротивление наших войск в районе Вязьмы задержало наступление противника на Москву. Это позволило Ставке сосредоточить силы на Можайском рубеже и дать отпор врагу. К середине октября на рубеж Можайск, Малый Ярославец начали подходить резервы Ставки. В то же время из состава Западного фронта туда с боями отходили избежавшие окружения дивизии Западного и Резервного фронтов, а также части и соединения, вырвавшиеся из вражеского окружения. Забегая несколько вперед, хочу сказать, что в течение октября на московское направление отошли войска 15 дивизий и на калининское — 17 дивизий.

К 10 октября стало совершенно ясно, что необходимо объединить силы двух фронтов — Западного и Резервного — в один фронт, под единым командованием.

⁵ В настоящее время генерал-лейтенант в отставке М. Ф. Лукин проживает в Москве.

Собравшиеся в Красновидово на командном пункте Западного фронта Молотов, Ворошилов, Василевский, я, член Военного совета Булганин (начальник штаба фронта В. Д. Соколовский в это время был во Ржеве), обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что объединение фронтов нужно провести немедленно. На должность командующего фронтом мы рекомендовали генерала армии Г. К. Жукова, назначенного 8 октября командующим Резервным фронтом. Вот наши предложения, переданные в Ставку: «Москва, товарищу Сталину.

Просим Ставку принять следующее решение:

1. В целях объединения руководства войсками на западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

3. Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом.

4. Назначить тт. Булганина, Хохлова и Круглова членами Военного совета Западного фронта.

5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября. Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский.

Принято по бодо 15.45 10.10.41 года».

С этим предложением Ставка согласилась, и тотчас же последовал ее приказ об объединении фронтов.

Ночью 12 октября мы донесли в Ставку о том, что я сдал, а Жуков принял командование Западным фронтом. Военный совет, обсудив создавшееся положение в целом, решил, что мне следует отправиться на калининское направление, выяснить там обстановку и объединить руководство боевыми действиями 22, 29, 30, 31-й армий. Рано утром 12 октября я проехал через Москву прямо в Калинин. Прибыв на калининское направление, я попал в чрезвычайно сложную обстановку. В невероятно трудных условиях пришлось перегруппировывать войска и маневрировать ими. Надо сказать, что противник, захватив Калинин, дальше продвинуться не смог. Его попытка прорваться на Торжок в тыл Северо-Западному фронту была сорвана. 17 октября 1941 года в связи с созданием Калининского фронта я был назначен командующим войсками этого фронта.

О том, как разворачивались действия на калининском направлении, тесно связанные с событиями на московском направлении, постараюсь рассказать более подробно в отдельной статье. А здесь в заключение позволю себе отметить, что создание Калининского фронта к северу от Московского моря явилось весьма целесообразным и своевременным мероприятием Ставки. Это дало возможность надежно укрепить центральный участок нашего стратегического фронта, прочно связав его с северо-западным направлением.

Советские воины, действуя в исключительно тяжелых условиях в октябре 1941 года, в упорных оборонительных сражениях к концу месяца приостановили наступление превосходящих вражеских сил на Москву. Это было достигнуто дорогой ценой. Мы понесли крупные потери и вынуждены были оставить часть территории, но гитлеровский план захватить Москву с ходу был сорван. Однако враг не отказался от наступления на Москву. Для его подготовки немецко-фашистскому командованию потребовалось сделать двухнедельную паузу.

Я не имею в виду подробно разбирать все этапы грандиозной Московской битвы. Последующее развитие событий проходило также в ожесточенных сражениях, но советские воины в этой схватке выстояли и победили. В оборонительных боях они обескровили гитлеровские войска, нанесли им огромные потери, а затем 5—6 декабря 1941 года наши фронты — Калининский, Западный и левое крыло Юго-Западного, перейдя к решительному контрнаступлению, разбили наголову отборные немецко-фашистские войска. Битва под Москвой завершилась великой победой. В этой битве советский народ и его Вооруженные Силы, руководимые Коммунистической партией, проявили величайший героизм, несгибаемую волю к победе над гитлеровскими захватчиками. Победа под Москвой знаменовала начало победы над гитлеровской Германией.